

Золотая маска

Автор:

[Кэрол Мортимер](#)

Золотая маска

Кэрол Мортимер

Исторический роман – Harlequin

Каролина Коупленд и две ее сестры оказались в трудном положении – недавно назначенный опекун хочет жениться на одной из них. Свободолюбивая Каролина желает быть хозяйкой своей судьбы и бежит в Лондон, ничуть не боясь нарушить строгие житейские правила эпохи Регентства. Чтобы прокормить себя, она решается петь в фешенебельном игорном клубе. С бьющимся сердцем она выходит на залитую ярким светом сцену и, оглядывая толпу зрителей, видит поразительно красивого джентльмена. Его взгляд словно пронзает ее насквозь, отчего у нее перехватывает дыхание и краска приливает к лицу. Но Каролина не может позволить себе знакомство с ним, потому что рискует выдать свою тайну...

Продолжение – в романах Кэрол Мортимер «Кружевной веер» и «Опасное сходство».

Кэрол Мортимер

Золотая маска

Пролог

Апрель 1817 г., палаццо Брицци, Венеция, Италия.

– Я говорил вам, что собрался сделать предложение одной из дочерей Уэстборна?

Лорд Доминик Вон, граф Блэкстоун – один из двух джентльменов, к которым обращался лорд Гейбриел Фолкнер, – так удивился, что совсем неэлегантно разинул рот. Покосившись на их общего друга, Натаниэля Торна, графа Озборна, Доминик понял, что тот тоже ошеломлен: застыл, не донеся до рта чашку с чаем.

В самом деле, в тот миг могло показаться, будто само время прекратило свое существование. Ни один из друзей не шелохнулся. Не произнес ни звука. Как будто Земля перестала вращаться вокруг Солнца.

Разумеется, Земля не прекратила свое вращение; друзья по-прежнему слышали пение гондольеров на оживленном Большом канале, крики уличных торговцев, предлагавших свои товары, и веселый птичий гомон. Время застыло лишь на балконе палаццо Брицци, где три джентльмена наслаждались поздним завтраком. Ближе к вечеру Блэкстоун и Озборн должны были возвращаться домой, в Англию.

– Что с вами? – врасстяжку спросил хозяин дома, в насмешливом изумлении поднимая брови и сверкая синими глазами. Он положил на стол письмо, которое только что прочел.

Доминик Вон опомнился первым:

– Гейб, ты, конечно, шутишь?

Гейбриел устремил на него насмешливый взгляд:

– А если не шучу?

– Разумеется, этого не может быть! – пылко воскликнул Озборн. – Ведь ты и сам Уэстборн...

– Да, последние полгода, – холодно согласился недавно получивший титул граф Уэстборн. – А жениться я намерен на одной из дочерей прежнего графа!

– На дочери Коупленда?

– Вот именно! – Уэстборн надменно склонил темноволосую голову.

– Но... зачем тебе понадобилось жениться? – спросил Доминик, не скрывая досады.

В самом деле, зачем одному из них вдруг понадобилось добровольно жертвовать свободой и связывать себя брачными узами?

Всем троим было по двадцать восемь лет; они вместе учились в школе, а затем пять лет воевали под началом Веллингтона. Они вместе сражались, вместе пили, вместе ели, вместе волочились за девушками, частенько ночевали под одной крышей.

Они давно договорились, что не станут довольствоваться одним спелым яблочком, если в их распоряжении целая корзина. И вот теперь Гейбриел готовится нарушить их негласный уговор!

Уэстборн пожал широкими плечами, которые подчеркивал элегантный темно-синий сюртук.

– Мне показалось, так будет правильно.

«Так будет правильно»! Прежде Гейбриел совсем не заботился о том, чтобы поступать правильно! Восемь лет назад его выслали из Англии после громкого скандала; семья отреклась от него. С тех пор лорд Гейбриел Фолкнер жил по собственным правилам и нимало не заботился о приличиях!

Разумеется, после того, как изгнанник унаследовал в высшей степени почитаемый титул графа Уэстборна, отношение к нему немного изменилось. Теперь лондонское общество и особенно мамыши, обремененные дочерьми на выданье, готовы были встретить Гейбриела с распростертыми объятиями, несмотря на его дурную репутацию. И все-таки...

– Гейбриел, ты шутишь! – решительно объявил Озборн, демонстрируя свое недоверие.

– К сожалению, не шучу, – вздохнул Уэстборн. – После того как я неожиданно унаследовал титул и владения покойного графа, судьба трех дочерей Коупленда находится всецело в моей власти. – Уголки его рта презрительно дернулись вверх. – Не сомневаюсь, Коупленд рассчитывал благополучно выдать дочек замуж до того, как встретится с Создателем. К сожалению, он не успел, и теперь мне приходится заботиться о девицах.

– Значит, последние полгода ты опекун сестер Коупленд? Почему ты ничего нам не сказал? – недоверчиво осведомился Озборн.

Уэстборн высокомерно склонил голову:

– Не хотелось, так сказать, приоткрывать дверцу курятника и впускать туда лисицу...

В самом деле, подумал Доминик. Гейбриел нажил дурную славу своими любовными похождениями. Стоило очередной пассии хоть немного ему наскучить, он безжалостно разрывал с ней всякие отношения.

– Гейбриел, почему ты ни разу не упоминал о своих подопечных?

Уэстборн пожал плечами:

– Сейчас упоминаю.

– Невероятно! – Озборн по-прежнему не мог найти нужных слов.

Гейбриел невесело улыбнулся:

– Почти так же невероятно, как и то, что я унаследовал титул.

В самом деле, ничего этого не случилось бы, если бы в битвах с Наполеоном не пали оба племянника Коупленда, которые должны были унаследовать титул. Поскольку у самого Коупленда сыновей не было, только дочери, высланному из

страны лорду Гейбриелу Фолкнеру достался титул покойного троюродного дяди – весьма дальнего родственника.

– Согласитесь, роль опекуна трех молодых леди несколько необычна... Поэтому я попросил своего поверенного сделать им предложение от моего имени, – пояснил Уэстборн.

– Которой из трех? – Доминик пытался вспомнить, видел ли он сестер Коупленд во время недолгих наездов в Лондон, но так ничего и не вспомнил. Раз они не блистали во время лондонских сезонов, значит, едва ли отличаются красотой – иначе он непременно заметил бы их. В сердце Доминику закралось дурное предчувствие...

Четко очерченный рот Уэстборна скривился в усмешке.

– Так как я не видел ни одну из трех сестер, то и не счел нужным выбирать.

– Не счел нужным?! – Доминик в ужасе воззрился на друга. – Гейбриел, неужели ты хочешь сказать, что предложил руку и сердце любой девице Коупленд?

Уэстборн холодно улыбнулся:

– Именно так.

– Послушай, Гейб! – заговорил Озборн, который, как показалось Доминику, тоже пришел в ужас. – Тебе не кажется, что ты изрядно рискуешь? А если сестры решат выдать за тебя самую толстую и некрасивую из них? Такую, на которой не женится ни один мужчина?

Уэстборн только отмахнулся:

– Вряд ли они толстые и некрасивые, ведь их матерью была Харриет Коупленд!

Троим друзьям было всего по девятнадцать лет, когда леди Харриет Коупленд, графиня Уэстборн, всего через месяц после того, как бросила мужа и дочерей, была убита своим ревнивым любовником. О ее красоте ходили легенды.

Доминик поморщился:

– Наверное, за тебя отдадут сестру, которая пошла не в мать, а в отца!

Коупленд умер в возрасте шестидесяти лет; он был коротышкой, не отличавшимся особым обаянием. Не приходилось удивляться, что красавица Харриет бросила его ради более молодого мужчины.

– Ну и что? – спросил Уэстборн, откидываясь на спинку кресла. Его темные волосы были модно зачесаны на висках и на лбу. – Чтобы произвести на свет наследника, граф Уэстборн обязан жениться. На ком угодно! Думаю, любая из сестер Коупленд, независимо от внешности, способна произвести на свет наследника! – Он элегантно пожал широкими плечами.

– Но как же... я имею в виду, если твоя жена окажется уродливой толстухой, ты просто не сумеешь себя заставить сделать все необходимое для появления на свет так нужного тебе наследника! – Озборн поморщился, живо представив себе неприятную картинку.

Доминик расплылся в улыбке:

– Что скажешь, Гейб?

– Скажу, что теперь уже не имеет значения, сумею я или не сумею сделать все необходимое для зачатия наследника. – Уэстборн с напускным равнодушием взял за уголок письмо, которое чуть раньше отложил в сторону, и пробежал глазами по строчкам. – Похоже, друзья, моя репутация сыграла со мной дурную шутку! – Голос его сделался стальным.

Доминик нахмурился:

– Объяснись, Гейбриел!

Гейбриел поджал красиво очерченные губы.

– В письме, которое я получил сегодня утром, мой поверенный недвусмысленно сообщает, что все три сестры Коупленд... представь себе, Нат, даже уродливая

толстуха... – он насмешливо поклонился Озборну, – наотрез отказываются выйти замуж за снискавшего сомнительную славу лорда Гейбриела Фолкнера!

Достаточно давно зная Гейбриела, Доминик понимал, что хладнокровие друга лишь напускное. Гораздо лучше о его настроении свидетельствовали стальной блеск темно-синих глаз и угрожающе выдвинутая вперед нижняя челюсть. Под маской равнодушия таилась холодная ярость.

Подозрения Доминика подтвердили следующие слова Гейбриела:

– Итак, приняв во внимание все обстоятельства, я решил, что вскоре следом за вами отправлюсь в Англию.

– Венецианские дамы все как одна будут оплакивать твой отъезд, – сухо заметил Озборн.

– Возможно, – бесстрастно ответил Гейбриел, – но я твердо решил, что новому графу Уэстборну пора занять свое место в лондонском обществе.

– Превосходно! – Озборн не колеблясь одобрил замыслы друга.

Доминик тоже радовался при мысли, что Гейбриел снова будет вместе с ними в Лондоне.

– В лондонском особняке Уэстборнов уже много лет никто не живет; должно быть, теперь он похож на мавзолей. Может быть, первое время поживешь у меня? Кстати, мне очень пригодятся твои советы, ведь я задумал произвести большие перемены «У Ника»... – Доминик имел в виду игорный клуб, который месяц назад выиграл в карты у прежнего владельца, Николаса Брауна.

Гейбриел нахмурился:

– Дом, настоятельно рекомендую тебе больше не вести с Брауном никаких дел!

Его предостережение было излишним; Доминик прекрасно знал, кто такой Николас Браун, сын пэра и проститутки. Отнюдь не джентльмен, Браун обладал огромными связями в лондонском преступном мире.

– Верно подмечено, Гейб.

Гейбриел кивнул:

– Благодарю за приглашение; Блэкстоун-Хаус замечательный. И все же я не намерен задерживаться в столице. Я сразу же проследую в Шорли-Холл.

Доминик не сомневался в том, что намерения друга не сулят трем сестрам Коупленд ничего хорошего...

Глава 1

Три дня спустя. Игорный клуб «У Ника», Лондон, Англия.

Легко пробежав по сцене в бальных туфельках, Каро прилегла на кушетку, обитую красным бархатом. Устроившись поудобнее, она проверила, не соскользнула ли золотая маска, украшенная драгоценными камнями, закрывающая лицо ото лба до губ. Затем расправила локоны театрального парика цвета черного дерева; длинные пряди закрыли ее пышную грудь и плечи. Под конец Каро разгладила складки платья золотого цвета, закрывавшего фигуру целиком – от шеи до пальцев ног.

Услышав возбужденный гул из-за занавеса, она поняла: завсегда и игорного клуба уже ждут, когда она начнет свое представление.

Сердце Каро гулко забилось, и кровь быстрее побежала по жилам, когда оркестр заиграл вступление, а зрители в зале выжидательно замолчали.

* * *

Доминик немного постоял у входа. Игорный клуб «У Ника» считался одним из самых модных лондонских игорных заведений. До того как Доминик стал

владельцем клуба, он был его завсегдатаем.

Едва приехав из Венеции, он сразу же направился в клуб. Передав шляпу и плащ слуге, он насупился, не увидев на привычном месте Бена Джексона, дюжего молодого швейцара. Кроме того, в игорных залах за красным бархатным занавесом царила необычная тишина.

Что там происходит?

Неожиданно тишину прорезал низкий, чувственный женский голос. И это несмотря на то, что перед отъездом в Венецию Доминик отдал управляющему недвусмысленное распоряжение насчет женщин! Он запретил брать на работу в клуб, владельцем которого стал, представительниц прекрасного пола. В любом качестве!

Доминик широким шагом проследовал в главный зал и сразу понял, почему швейцар покинул свой пост. Бена Джексона он увидел у самого входа. Швейцар стоял, словно прикованный к месту, в толпе таких же оцепеневших завсегдатаев. Очевидно, сейчас всех посетителей игорного клуба занимало лишь одно зрелище.

Обладательница соблазнительного грудного голоса возлежала на сцене на кушетке, обитой красным бархатом. У нее была миниатюрная фигурка и копна пышных локонов цвета черного дерева, которые свободным каскадом ниспадали на плечи и доходили ей до талии. Почти все лицо закрывала маска, инкрустированная драгоценными камнями, похожая на ту, что носят в Венеции во время карнавала. Губы певицы оказались пухлыми и чувственными, а шея поражала жемчужной белизной. Мерцающее золотистое платье скорее подчеркивало, чем скрывало обольстительные изгибы ее фигуры.

Несмотря на маску и длинное широкое платье, Доминик был уверен в том, что еще не встречал более соблазнительного создания!

Судя по жадным взглядам и покрасневшимся лицам остальных мужчин, все они, очевидно, считали так же. Некоторые бросали на певицу откровенно плотоядные взгляды. Поняв, что и сам не может отвести глаз от сцены, Доминик невольно нахмурился.

Каро заставляла себя не слишком гневаться на новичка, который стоял у входа в зал и глазел на нее исподлобья. Нельзя демонстрировать свое раздражение ни взглядом, ни голосом. Под конец первого отделения она медленно встала, подошла к краю сцены, грациозно покачивая бедрами, и пропела последние низкие, страстные ноты.

И все же она ни на миг не забывала о стоящем у входа бледном мужчине с холодными глазами.

Он был так невероятно высок, что возвышался на целую голову над остальными посетителями. Его широкие мускулистые плечи выгодно подчеркивал тонкий черный сюртук; ослепительно-белая рубашка была сшита по последней моде – воротник и манжеты отделаны брюссельским кружевом. Красиво уложенные волосы цвета воронова крыла отливали синим. Глаза его, пронизывающие, неодобряющие, оказались светло-серыми, как будто серебристыми. Лицо незнакомца поражало своим аристократизмом: высокие скулы, прямой нос, твердые, четко очерченные губы, квадратный, решительный, надменно приподнятый подбородок. Правда, красивое надменное лицо несколько портило мрачное выражение, которое подчеркивал большой шрам на левой щеке – от глаза до подбородка.

Светло-серые глаза красивого незнакомца смотрели на Каро с такой неприязнью, с какой она за двадцать лет жизни еще ни разу не сталкивалась. Очевидное презрение настолько ошеломило ее, что ей едва удалось сохранить на губах улыбку, пока она кланялась публике под оглушительные аплодисменты. По опыту она знала, что аплодировать ей будут еще несколько минут после того, как она удалится в импровизированную гримерную в дальнем конце клуба.

Прежде чем уйти со сцены, Каро невольно бросила последний взгляд на мрачного незнакомца. Она слегка встревожилась, заметив, что он о чем-то серьезно разговаривает с управляющим Дрю Батлером.

– Дрю, ну и что все это значит? – ледяным тоном осведомился Доминик, пока певица раскланивалась под гром аплодисментов.

Седовласый управляющий сохранял невозмутимый вид; проработав в клубе «У Ника» двадцать лет, он почти ничему не удивлялся. Его усталые голубые глаза многое повидали на своем веку. Дрю Батлера трудно было вывести из себя; недовольство нового хозяина не тронуло его.

– Наши постоянные посетители ее обожают!

– Уже четверть часа, с тех пор как эта женщина начала петь, наши постоянные посетители не пьют и не играют!

– А вы посмотрите, что начнется, когда она уйдет, – негромко посоветовал Дрю.

И правда, едва певица удалилась, как шампанское полилось рекой, а игра пошла полным ходом. Завсегдатаи громогласно обсуждали прелести молодой женщины. Многие бились об заклад, кому первому повезет увидеть личико за украшенной драгоценностями маской.

– Вот видите, – сказал, обернувшись к Доминику, Дрю. – Она способствует процветанию!

Доминик нетерпеливо покачал головой:

– Разве я не ясно выразился, когда заходил сюда месяц назад? Черт побери, я требую, чтобы в будущем здесь был только игорный дом, а не бордель!

– Совершенно верно, – ответил Дрю, нимало не смущаясь. – По вашему распоряжению комнаты наверху заперли, с тех самых пор в них никого не пускают.

Представитель знати, к тому же граф, ставший владельцем игорного заведения с сомнительной репутацией вроде клуба «У Ника», едва ли способен вызвать одобрение высшего общества. Однако месяц назад Доминик не сумел отказаться от партии в карты. Игра стала для него делом чести. Николас Браун предложил ему поставить на кон племенного жеребца по кличке Черный Полумесяц, которого Доминик держал в своей конюшне в Кенте. Взамен Браун предложил собственный клуб. Доминик выиграл.

Владеть игорным заведением – одно, но полдюжины спален на втором этаже, до недавних пор доступных любому мужчине, который пожелает уединиться там... с кем пожелает, – вещь совершенно недопустимая. Доминик не желал, чтобы его считали сводником! Поэтому он и распорядился закрыть двери клуба для представительниц слабого пола, кем бы они ни были. По его приказу спальни на втором этаже заперли. Судя по всему, его распоряжения исполнялись неукоснительно – если не считать таинственной незнакомки, обворожившей не только завсегдатаев, но и служащих клуба.

Доминик плотно сжал губы.

– Я полагал, что мой приказ относится ко всем... дамам, работавшим здесь ранее!

– Каро – совсем не шлю... не развратная женщина. – Дрю заметно ощетинился, угрожая расправив плечи.

Доминик нахмурился:

– Тогда скажите, кто же она?

– Она – то, что вы видели, – ответил Дрю. – Дважды за вечер она поет. Как только она уходит со сцены, наши посетители пьют и играют больше чем обычно.

– Ее сопровождает служанка или компаньонка?

Пожилой управляющий как будто изумился:

– А вы как думаете?

– Как я думаю?! – Доминик прищурился, и его глаза стали похожи на узкие острые льдинки. – Я думаю, что от нее невозможно ждать ничего хорошего! – Он сурово сдвинул брови. – Который из джентльменов получает привилегию сопровождать ее домой в конце вечера?

– Я! – горделиво объявил Бен Джексон, проходя мимо них к своему месту у входа в клуб.

Лицо у молодого швейцара было круглым, розовощеким, как у ангелочка; портил его лишь нос, перебитый в нескольких местах. Да и при взгляде на его кулаки размером с хорошие окорока сразу становилось ясно: швейцар принимал участие во многих драках.

Доминик удивленно обернулся к швейцару:

– Вы?!

Бен радостно ухмыльнулся, продемонстрировав дыры вместо выбитых зубов:

– Так потребовала мисс Каро!

Она еще и чего-то требует, вот как?

Бен Джексон умел одним взглядом нагнать страху на видавших виды мужчин, а Дрю Батлер был циником до мозга костей. И вот какая-то мисс Каро, похоже, прибрала их к своим маленьким ручкам!

– Дрю, давайте продолжим разговор у вас в кабинете! – Доминик круто развернулся и зашагал вперед, не проверив, идет ли за ним управляющий.

Еле сдерживая раздражение, он на ходу поздоровался с несколькими знакомыми и улыбнулся им. Затем зашел за перегородку и оказался в служебном помещении. Чуть дальше по коридору располагался кабинет Дрю.

Не обращая внимания на роскошную обстановку, Доминик сразу же направился к бюро красного дерева. Управляющий зашел в кабинет следом за ним и закрыл дверь. Шум, идущий из игорных залов, сразу стих. Заметив на столе графин с бренди, Доминик налил себе, сделал глоток на пробу, убедился, что бренди первоклассное, и вопросительно посмотрел на управляющего.

Тот покачал головой:

– На работе не пью.

Доминик прислонился к бюро спиной:

– Итак, Дрю, кто она и откуда взялась?

Управляющий пожал плечами:

– Хотите, чтобы я сказал, что я о ней думаю, или передать, что она сама мне сообщила, когда пришла сюда в поисках работы?

Доминик прищурился:

– И то и другое.

Он отпил еще бренди и стал преувеличенно внимательно разглядывать носок своего сапога, начищенного до зеркального блеска. Управляющий начал пересказывать историю несчастий молодой женщины.

Каро Мортон назвалась сиротой, которая жила с незамужней теткой где-то за городом. Три недели назад пожилая дама скоропостижно скончалась, и девушка осталась без крыши над головой. Две недели назад она приехала в Лондон совершенно одна, без служанки или компаньонки. Денег у нее тоже почти не было, и она решила сама устроить свою жизнь. Судя по всему, вначале она думала стать компаньонкой или гувернанткой в хорошей семье, однако из-за отсутствия рекомендаций ей везде отказывали. Поэтому она и принялась искать работу по театрам и клубам.

Услышав последние слова, Доминик резко вскинул голову:

– И во многих таких местах она уже побывала, прежде чем наведальась к вам?

– В пяти или шести, – поморщился управляющий. – Насколько я понял, в предыдущих местах она получила несколько предложений... другого сорта.

Доминик невесело улыбнулся. Он без труда угадал, какие то были предложения.

– Вам не захотелось предложить ей то же самое, когда она явилась сюда просить работу? – Он не сомневался, что многие мужчины, независимо от

возраста, при виде мисс Каро Мортон испытывали желание переспать с ней.

Пожилой управляющий смерил его укоризненным взглядом и сел за стол.

– Милорд, последние двадцать лет я счастлив в браке. Моя дочь ненамного моложе мисс Мортон.

– Приношу свои извинения. – Доминик слегка поклонился и тряхнул головой. Взгляд у него просветлел. – Что ж, прекрасно! Значит, вот как сама мисс Мортон объясняет цель своего приезда в Лондон. Теперь расскажите, кем или чем считаете ее вы.

Дрю ответил не сразу:

– Возможно, незамужняя тетка у нее действительно была, но я почему-то в этом сомневаюсь. По-моему, она приехала в Лондон, спасаясь от чего-то или от кого-то. Возможно, она сбежала от грубого, деспотичного отца. Или даже от жестокого мужа. Как бы там ни было, она выглядит и держится слишком благородно для обычной актрисы или шлюхи.

Доминик смерил управляющего задумчивым взглядом:

– Что, по-вашему, значит «слишком благородно»?

– У нее безупречные манеры, – лаконично ответил управляющий.

Доминик все больше изумлялся. Певица в игорном клубе – женщина из общества, которая пытается скрыть свою личность? Да, наверное, этим и объясняется маска, украшенная драгоценными камнями.

– А вам не приходило в голову, что актрисы и шлюхи умеют изображать благородных дам?

– Приходило, – ответил Дрю, – но я не думаю, что Каро Мортон – одна из них. – Управляющий о чем-то задумался, а потом вскинул голову и предложил: – Может быть, вам лично побеседовать с ней? Тогда у вас сложится о ней собственное впечатление.

Для Доминика было очевидно: управляющий по-отечески относится к мисс Каро Мортон, которую считает «благородной». Ясно, что и швейцар Бен Джексон также покровительствует ей. Если она в самом деле чья-то беглая жена или дочь... Доминик совсем не склонен был сочувствовать беглянке.

– Именно так я и поступлю, – сухо заверил он своего собеседника. – Просто сначала хотел узнать ваше мнение.

Дрю смерил его озабоченным взглядом:

– Вы намереваетесь ее уволить?

Доминик ответил не сразу. Он не подвергал сомнению слова Дрю Батлера о том, что выступления Каро Мортон привлекают в клуб посетителей. Однако, даже если певица и способствует процветанию клуба, если она в самом деле сбежала от мужа или отца, от нее в конечном счете больше вреда, чем пользы.

– Все будет зависеть от самой мисс Мортон.

– В каком смысле?

Доминик надменно поднял брови:

– Дрю, я отлично помню, что вы управляете клубом не первый год. По-моему, вы замечательно справляетесь со своими обязанностями. – Он бегло улыбнулся, словно желая смягчить следующие слова. – Однако ваши ценные качества не дают вам права подвергать сомнению мои действия или решения.

– Да, милорд.

– Где сейчас Каро Мортон?

– Обычно между выступлениями в ее примерную по моему приказу приносят скромный ужин, – не без вызова ответил Дрю, словно намекая: пусть-ка Доминик попробует подвергнуть сомнению его решение!

Доминик прекрасно помнил миниатюрную, стройную фигурку певицы и ее светлую, полупрозрачную кожу. Он вовсе не собирался подвергать сомнению решение Дрю; судя по виду, скорее всего, помимо «легкого ужина» у Каро Мортон за весь день маковой росинки во рту не бывает.

– Если вы собираетесь ее уволить, прошу вас сообщить мне заранее. Я ведь должен буду выплатить ей жалованье, – словно защищаясь, продолжал Дрю, к немалому удивлению Доминика.

Кивнув в знак согласия, он вышел из кабинета управляющего и тяжело вздохнул. Судя по всему, загадочной певице удалось подобрать ключик к душе даже такого прожженного циника, как управляющий игорным клубом Дрю Батлер. Если ее в самом деле придется уволить, управляющий наверняка попытается подыскать для нее другое место.

К собственному удивлению, Доминик понял, что ему ужасно хочется выяснить, кто такая мисс Каро Мортон на самом деле! Странное открытие для человека, который целых пять лет провел на войне. И вот уже два года после возвращения в Англию успешно отражает атаки благородных мамаш с дочерьми на выданье. Подобный опыт закалил его едва ли не больше, чем работа в игорном клубе закалила Дрю Батлера, пусть управляющий «У Ника» гораздо старше его по возрасту.

Каро вздрогнула, когда в дверь ее гримерной отрывисто постучали. Собственно говоря, каморку, которую ей отвели, едва ли можно было назвать гримерной. Но, каким бы тесным и душным ни было помещение, выделенное ей мистером Батлером на задах игорного клуба, она могла отдохнуть здесь между представлениями.

Управляющий заверил ее, что сюда не пустят ни одного из завсегдатаев клуба «У Ника»...

Каро медленно встала, потуже затянула пояс халата и подошла к запертой изнутри двери.

– Кто там? – с опаской спросила она.

– Меня зовут Доминик Вон, – заносчиво ответил мужчина.

Даже не видя незваного гостя, Каро почему-то сразу поняла: за дверью стоит тот самый сероглазый красавец, который так неодобрительно смотрел на нее во время выступления. Она не знала точно, почему она так уверена в своих умозаключениях, однако нисколько в них не сомневалась. В его звучном баритоне явственно слышались властные нотки; угадывалась уверенность, воспитанная многолетней привычкой повелевать. Видимо, он и представить себе не может, чтобы кто-то осмелился его послушаться. Очевидно, он и сейчас ждет, что она поспешит отпереть дверь и впустить его...

Каро сунула руки в карманы халата и так стиснула кулаки, что ногти впились в кожу.

– Джентльменам нельзя приходить ко мне в гримерную!

Последовало недолгое молчание. Затем стоящий за дверью мужчина довольно раздраженно ответил:

– Уверяю вас, что пришел сюда с ведома и согласия Дрю Батлера.

Всю неделю, что Каро выступала в клубе «У Ника», управляющий был очень добр к ней. Более того, она сразу поняла, что мистеру Батлеру можно безоговорочно доверять. Но сегодняшний незваный гость объявился так неожиданно – и вместе с тем уверяет ее, что мистер Батлер одобряет его приход... Что ж, придется ему не поверить.

– Извините, но мой ответ по-прежнему «нет».

– Уверяю вас, у меня к вам дело, которое отнимет у вас не больше нескольких минут, – так же раздраженно продолжал незваный гость.

– Мне нужно отдохнуть перед следующим выступлением, – не сдавалась Каро.

Доминик в досаде поморщился. Какая упрямица – по-прежнему отказывается открыть дверь! А ведь ничего больше он не просит!

– Мисс Мортон...

– Это мое последнее слово, – надменно ответила Каро.

Прищурившись, Доминик вспомнил, как Дрю уверял, что Каро Мортон «благородная». Выговор у нее действительно свидетельствует о хорошем воспитании. В голосе слышится, пусть и едва уловимая, властность, немыслимая для актрисы или дамы полусвета.

– Мисс Мортон, либо вы сейчас же откроете мне дверь, либо, уверяю вас, никакого «следующего представления» в клубе «У Ника» для вас не будет. – Доминик оперся плечом о стену и скрестил руки на широкой груди.

За дверью тихо ахнули.

– Вы мне угрожаете, мистер Вон?

Теперь он уловил в ее голосе нотки нерешительности.

– Мисс Мортон, я не угрожаю, а говорю правду.

Каро не знала, на что решиться. Две недели назад она сбежала из дома и приехала в Лондон, думая устроиться компаньонкой или гувернанткой в какую-нибудь почтенную семью, но неожиданно выяснила, что в почтенную семью ее не возьмут по той причине, что у нее нет рекомендательных писем.

Кроме того, жизнь в столице оказалась гораздо дороже, чем рассчитывала Каро. Она захватила с собой небольшую сумму, сэкономленную из карманных денег, но ее запасы таяли буквально на глазах, а возвращаться домой и терпеть невыносимое положение она не могла. Оставалось последнее: попытать счастья на сцене. Дома ее осыпали комплиментами, когда после ужина она развлекала гостей пением. Правда, гости у них бывали нечасто; в основном отец приглашал своих друзей или соседей. Каро обошла несколько заведений, где выступали артисты. Кое-где ей действительно предложили работу, но такого рода, что девушка, воспитанная в тихом и мирном Гэмпшире, испытала настоящее потрясение!

За свое нынешнее место – в том числе и за деньги, которыми она расплачивается за скромное жилье, – ей следует быть благодарной Дрю Батлеру. Если пожилой управляющий почему-либо не возражает против ее посещения Домиником Воном, наверное, она должна принять его...

Она вынула руки из карманов и дрожащими пальцами повернула ключ в замке. Дверь распахнулась, Каро поспешно отступила.

На пороге действительно стоял тот самый сероглазый красавец. При свечах он внушал настоящий трепет; шрам на левой щеке зловеще побагровел, черный сюртук и белая рубашка лишь подчеркивали излучаемую им властность.

Каро отступила еще на шаг:

– О чем вы хотите со мной поговорить?

Увидев Каро Мортон без маски, закрывающей лицо, Доминик с трудом удержался от возгласа изумления. Вместо черных локонов по ее плечам разметались золотистые кудри. Они обрамляли личико в форме сердечка, на котором горели миндалевидные глаза цвета морской волны. Певица оказалась такой красавицей, что у него захватило дух.

Если она в самом деле непослушная дочь или, больше того, сбежавшая жена – тем хуже!

– Пригласите меня войти, мисс Мортон! – потребовал он тоном, не терпящим возражений.

Длинные ресницы дрогнули, но Каро быстро пришла в себя и горделиво вскинула заостренный подбородок:

– Сэр, я отдыхаю перед выступлением.

Доминик плотно сжал губы.

– Насколько я понял из объяснений Дрю, до вашего следующего выступления еще час.

Лебединая шейка судорожно дернулась; он не мог отвести взгляд от полоски сливочно-белой кожи под воротником халата. Прищурившись, он опустил голову и посмотрел на ее высокую грудь, обтянутую шелковистой материей. Талия у нее оказалась такой тонкой, что Доминик почти не сомневался: он сумеет обхватить ее ладонями. К собственному удивлению, он очень возбудился при мысли о том, как будет ласкать ее пышную грудь, охватит гладкие округлости ягодиц и легко оторвет ее от земли, а она обовьет его талию своими длинными, стройными ногами...

Каро поняла, что ей совсем не нравится, как Доминик Вон буквально пожирает ее взглядом. Он как будто раздевал ее, разглядывал ее голое тело под тонким халатом. Вспыхнув, она решительно расправила плечи.

– Сэр, я бы предпочла, чтобы вы остались там, где стоите.

Светло-серые глаза снова посмотрели на нее в упор.

– Милорд.

Она нахмурилась:

– Что, прошу прощения?

Незванный гость представился:

– Я лорд Доминик Вон, граф Блэкстоун, и обращаться ко мне следует «милорд».

У Каро перехватило дыхание, когда она поняла, что перед ней представитель так называемого высшего света. Несомненно, в надменности он не уступает ее недавно обретенному опекуну!

– Если вы хотели произвести на меня впечатление... милорд, боюсь, вам это не удалось.

Доминик изобразил удивление, не обращая внимания на ее язвительность.

– По-моему, когда называешь свое имя собеседнику, тому полагается тоже назвать себя?

От его замечания она вспыхнула.

– Если вы, как утверждаете, поговорили с мистером Батлером, значит, скорее всего, вам уже известно, что меня зовут Каро Мортон.

– В самом деле? – Он смерил ее многозначительным взглядом.

Она возмутилась:

– Я только что именно так и сказала, милорд!

– Ах, если бы только все слова оказывались правдой! – улыбнулся он.

– Сэр, вы сомневаетесь в моих словах?

– Моя милая Каро, боюсь, в моем возрасте и при моем опыте положено сомневаться во всем до тех пор, пока меня не убедят в обратном.

Несомненно, цинизм и насмешливое выражение лица придавали ему вид человека, пресытившегося жизнью. Судя по шраму на левой щеке, он не понаслышке знает, что такое опасность. И все же Каро на вид не дала бы ему больше двадцати восьми – двадцати девяти лет. Ей двадцать, он ненамного старше.

И она не потерпит, чтобы он называл ее «моя милая»!

– Что ж, тогда мне вас искренне жаль!

Доминик не ожидал такого ответа. И не хотел его. Богатый и желанный всем граф Блэкстоун не желал ничьей жалости и не нуждался в ней. И меньше всего нуждался он в жалости особы, которая прячет лицо за украшенной драгоценностями маской, а свои золотистые волосы закрывает париком цвета черного дерева.

Может, Батлер все-таки ошибается? В самом ли деле эта молодая женщина сбежала в Лондон, чтобы скрыться от деспота-отца или жестокого, грубого мужа? Она так миниатюрна и хрупка, что последнее предположение внушало Доминику настоящий ужас.

Какая бы тайна ни окружала прошлое Каро Мортон, ни ему, ни его игорному клубу не нужны неприятности, которые, скорее всего, последуют за этой женщиной.

– Вы имеете право находиться в игорном заведении?

– Что, милорд? – удивленно переспросила Каро.

– Я желаю знать, сколько вам лет.

– Джентльмен никогда не должен спрашивать о возрасте леди, – с чопорным видом ответила она.

Доминик не спеша осмотрел золотистую головку, стройную фигурку, узкие запястья, небольшие кисти рук, открытые ступни и лодыжки. На ее разрянувшимся личике застыло слегка презрительное выражение.

– Насколько мне известно, настоящих леди всегда сопровождает служанка или компаньонка; кроме того, дамы из общества не скачут на сцене в мужском игорном клубе.

Каро снова вскинула заостренный подбородок и ядовито ответила:

– Я не скачу, милорд, а просто лежу на кушетке! Кроме того, не понимаю, какое вам дело до того, есть ли у меня служанка или компаньонка!

Доминик бросил беглый взгляд в каморку за спиной Каро и заметил поднос на туалетном столике. На подносе стояло блюдо густого, еще дымящегося рагу и тарелка с хлебом. На другой тарелке лежал соблазнительный апельсин – очевидно, на десерт. Значит, вот какой «скромный ужин» распорядился подать ей Батлер!

– Кажется, я прервал ваш ужин, – вкрадчиво заметил Доминик. – Поэтому предлагаю продолжить наш разговор позже... после вашего выступления. Сегодня не Бен проводит вас домой, а я.

Ее глаза встревоженно расширились, и она решительно затрясла головой:

– Боюсь, это невозможно!

– Почему же?

Стоило Каро заглянуть в светло-серые глаза под изящно выгнутыми бровями, как она сразу поняла: ее новый знакомый не привык к отказам. А отсутствие у нее служанки или компаньонки объяснялось легко – если бы она пожелала все объяснить. Но она не желала объясняться! Если бы две недели назад, убегая из Гэмпшира, она захватила с собой служанку или компаньонку, ее бы обвинили в подстрекательстве к побегу, а Каро и без того хватало проблем. Не хотелось впутывать в неприятности еще и других.

– Нет, – вновь ответила она ровным тоном. – Бен будет задет в лучших чувствах, если ему не позволят проводить меня до дому. И потом, – добавила она, видя, что ее доводы не убедили графа, – я не позволяю незнакомым джентльменам... сопровождать меня домой. – Каро с трудом удержалась, чтобы не сказать: «незнакомым... и тем, кого я не желаю знать».

В светло-серых глазах сверкнули веселые искорки.

– Даже если за незнакомца поручится Дрю Батлер?

– Пока он еще ни за кого не ручался. А теперь... простите, мне нужно поесть, пока ужин не остыл. – Попытка Каро захлопнуть дверь перед самым носом Доминика Вона бесславно провалилась, так как он вовремя поставил ногу в проем. Смерив его возмущенным взглядом зеленовато-голубых глаз, она снова медленно приоткрыла дверь. – Прошу, не вынуждайте меня звать Бена на помощь, если вы не хотите, чтобы вас увели отсюда силой!

Ее угроза, казалось, нимало не беспокоила надменного Доминика Вона: он продолжал снисходительно улыбаться.

– Это был бы... интересный опыт.

Каро бросила на него нерешительный взгляд. Бен ростом не ниже графа и очень крепкого сложения. Но и лощеный, элегантный Доминик Вон, судя по всему, совсем не изнежен. Он буквально излучает силу, заставляя верить, будто одолеет любого, кто вздумает бросить ему вызов. У него очень широкие плечи и гибкая, мускулистая фигура. Кроме того, Каро сильно сомневалась, что граф Блэкстоун получил шрам на лице, праздно посиживая дома у камина!

Она заставила себя расслабиться и улыбнулась, глядя на него снизу вверх:

– Может быть, отложим вопрос о том, можно или нет вам провожать меня домой, до тех пор, пока я не поговорю с мистером Батлером?

Доминик сразу понял: предприимчивая певица наверняка решила удрать под шумок, не дожидаясь разговора с Дрю Батлером.

– Когда закончится ваше представление, я буду ждать вас на улице.

Глаза цвета морской волны потемнели; он понял, что угадал верно.

– Сэр, вы очень настойчивы!

– Мне просто не терпится получше познакомиться с одной из моих служащих.

Каро так и ахнула:

– Вы сказали... с одной из ваших служащих?!

Доминик кивнул. Он испытал огромное удовольствие, заметив, как побледнела его собеседница. Очевидно, до нее наконец дошло: он в самом деле вправе решать, может ли она и дальше выступать в клубе «У Ника».

– Тогда до скорого свидания, мисс Мортон! – Доминик отвесил изящный поклон и вернулся в игорный зал. Губы его кривились в довольной усмешке.

Глава 2

– Спасибо, предпочитаю прогуляться пешком. После их первой встречи прошло больше двух часов. Каро наотрез отказалась возвращаться домой в фешенебельном экипаже Доминика Вона, ждущего ее у выхода из клуба. Она успела поговорить с Дрю Батлером, который подтвердил, что Доминик не только граф Блэкстоун, но и с недавних пор владелец игорного заведения, в котором служат они оба. Помимо всего прочего, Каро не хотелось ставить себя в двусмысленное положение, путешествуя по ночным улицам с мужчиной в его экипаже!

– Как пожелаете. – Доминик подал знак кучеру, чтобы тот следовал за ними. Его волосы цвета воронова крыла теперь закрывал модный цилиндр; на широкие плечи он набросил черный шелковый плащ.

Каро косилась на своего спутника, поправляя ленты коричневого капора; лишь несколько локонов на висках выбивались из-под ее головного убора. После выступления она переоделась в строгое коричневое платье с высоким воротом и длинными рукавами, а сверху надела добротный теплый плащ.

Две недели назад, едва приехав в Лондон, Каро купила три таких платья: коричневое, болотное и темно-желтое. Она очень быстро поняла, что шелковые платья, которые она привезла с собой в столицу, резко выделяются в чистеньком, но небогатом районе Лондона, где ей удалось найти недорогое жилье. А ей очень не хотелось, чтобы на нее обращали внимание. Поэтому она и прибегала к маскараду, выступая в клубе «У Ника».

Было бы преуменьшением сказать, что внешность Каро Мортон удивила – да-да, снова удивила – Доминика. Он не сразу узнал ее в некрасивом коричневом капоре, скрывавшем почти все золотистые пряди, и широком длинном плаще, закрывавшем ее от шеи до лодыжек. В таком наряде златокудрая красавица превращалась в скромную дурнушку, живущую на скудные средства.

Откровенная бедность нарядов натолкнула Доминика еще на одну догадку относительно того, почему Каро Мортон живет в Лондоне одна и вынуждена браться за любую работу, чтобы хоть как-то содержать себя. Хотя на ее тонких пальцах он не увидел ни одного кольца, он прекрасно помнил, сколько в Англии

пылких молодых девиц, которые в годы войны с Наполеоном презрели все приличия и поспешно сочетались браком с военными, часто гораздо ниже себя по положению. Через несколько недель, а иногда и дней, после скоропалительных свадеб молодые мужья отправлялись в бой и погибали, оставив своих жен вдовами.

Зато теперь можно было не бояться, что завсегдатаи клуба «У Ника» узнают в этой блеклой дурнушке сладкоголосую сирену с волосами цвета черного дерева, чье пение без труда заворожило и околдовало их всех.

Доминику пришлось признать: Каро успела обворожить и его самого.

– Может быть, все-таки объясните, почему молодая женщина, лишенная защиты, устроилась на работу в одно из модных лондонских игорных заведений?

Ему показалось, что она ждала такого вопроса, потому что ее лицо осталось холодным.

– Возможно, из-за денег?

Доминик нахмурился:

– Если уж вам непременно надо работать, почему не поискать более благопристойное занятие? У вас достаточно хорошие манеры, чтобы стать горничной благородной дамы или продавщицей в магазине готового платья...

– Какой вы добрый! – сладко пропела Каро. – И все же позвольте вам напомнить: чтобы получить такое место, требуется рекомендация от прежней хозяйки... Рекомендаций у меня нет, – многозначительно добавила она.

– Может быть, потому, что вы никогда не служили ни горничной, ни продавщицей в магазине готового платья? – с нажимом спросил он.

– А может, я оказалась настолько несведущей в обоих занятиях, что мне было отказано в рекомендациях? – язвительно ответила Каро.

Услышав ее ответ, Доминик одобрительно улыбнулся:

– Значит, вот почему вы не нашли для себя иного выхода, кроме как выйти на сцену в игорном клубе, где вас каждую ночь пожирают глазами десятки повес и распутников?

Каро резко остановилась, потрясенная неожиданным оскорблением. Он задел ее не только словами, но и презрительной интонацией... Доминик остановился рядом, в мерцающем свете уличного фонаря. Светло-серые глаза не спеша оглядывали ее с головы до ног.

– Как выяснилось, для такого занятия мне рекомендаций не потребовалось, – с ледяным высокомерием ответила она.

Доминик понимал: ему нет никакого дела до нее. Если она хочет каждый вечер выставлять себя на всеобщее обозрение и терпеть непристойные замечания – пусть! Во время ее второго выступления он наслушался их в избытке. Завсегдатаи заключали пари на то, кто в конце концов станет ее любовником и покровителем. Ставки постоянно росли, отчего Доминику стало неприятно. И все же...

– Неужели вас так мало заботит собственная репутация?

Щеки у нее запылали.

– Благодарю вас! Маска, которую я ношу, позволяет моей репутации оставаться невредимой!

– Возможно. – Доминик стиснул зубы. – И все же странно, что вам в голову не пришли менее... двусмысленные способы заработка.

– Менее двусмысленные? – Она смерила его озадаченным взглядом.

Он пожал плечами:

– Вы молоды. Судя по замечаниям, которые сегодня вечером отпускали ваши многочисленные поклонники, всем им не терпится познакомиться с вами поближе... Вы не думали о том, чтобы обзавестись одним покровителем? Ведь один покровитель гораздо лучше, чем разнузданная толпа!

Каро вспыхнула от смущения:

– Покровитель, милорд?

– Мужчина, который обеспечит вас жильем и подходящими нарядами в обмен на удовольствие от... вашего общества, – пояснил Доминик после паузы.

Каро ахнула от возмущения. Щеки у нее запылали. Значит, граф серьезно предлагает ей завести в Лондоне любовника, а не выступать практически за еду в игорном клубе...

Любовника!

А ведь отец Каро так не хотел, чтобы его дочери появлялись в столичном обществе, что даже не позволял им приезжать на лондонские сезоны, но держал их в уединении в их гэмпширском поместье! Он так опекал трех дочерей, что до сегодняшнего дня Каро ни разу не бывала наедине с молодым человеком.

Впрочем, надменного Доминика Вона едва ли можно было назвать «молодым человеком», несмотря на возраст; молодости противоречил большой шрам на лице, во всех прочих отношениях очень красивом, и язвительная насмешка, которая мерцала в прищуренных светло-серых глазах. Все указывало на то, что ее собеседник не по возрасту циничен и опытен...

– Полагаю, милорд, в подобном случае упомянутого вами джентльмена интересовало бы не только мое общество. – Она подняла светлые брови.

Доминик пожалел, что затронул щекотливую тему. В самом деле, он понятия не имел, почему его вдруг так заинтересовала судьба именно этой молодой женщины. Может быть, рыцарская способность сопереживать еще не совсем отмерла в нем?

– Уж конечно, внимание одного мужчины куда предпочтительнее, чем сознание того, что каждый вечер несколько десятков мужчин жаждут раздеть вас, пусть даже и мысленно! – сухо ответил он.

Каро возмутилась:

– Сэр, вы нарочно меня смущаете!

Да, именно этого он и хотел. Он намеренно смущал ее, приводил в замешательство.

– Я лишь подчеркиваю, мадам, что, ставя себя в столь уязвимое положение, вы ведете себя очень глупо.

– Уверяю вас, сэр, я прекрасно могу сама о себе позаботиться! Мне не грозит абсолютно никакая опасность...

Доминик положил конец нелепым рассуждениям, без труда заключив девушку в объятия и искусно овладев ее губами.

Он решил наглядно продемонстрировать ей справедливость своих слов. Доказать, что положение ее в самом деле непрочное и весьма уязвимо. Показать, с какой легкостью мужчина – любой мужчина – способен воспользоваться ее хрупкостью. Она не в силах помешать какому-нибудь повесе сорвать у нее поцелуй. Или даже хуже!

Он крепко прижал ее стройное тело к себе и вначале нарочито медленно провел кончиком языка по ее пухлой нижней губе, затем раздвинул ее губы языком и стал страстно целовать ее, одновременно лаская руками ее спину и спускаясь все ниже, к ягодицам. Сжав ее ягодицы ладонями, он не прекращал своей атаки – нападал, дразнил, требовал от нее ответных действий.

Никакие события в прежней жизни Каро – ни двадцать лет, проведенные в затворничестве в Гэмпшире, ни последние две недели в Лондоне – не подготовили ее к неожиданному всплеску эмоций, побудившему ее вплотную прижаться к Доминику. Она боялась, что, если оторвется от него, немедленно упадет в обморок к его ногам.

Сердце у нее учащенно забилося; снизу поднималась волна жара. Грудь вздымалась, соски так набухли, что ей стало больно. Жар усиливался, он охватил всю ее изнутри. Средоточие его находилось между ног. Ничего подобного она ни разу еще не испытывала – не представляла. Она...

– Вот молодец!

– Старина, не жадничай!

– Дай и нам попробовать!

Его властные губы так резко оторвались от нее, что Каро едва не задохнулась. Правда, граф по-прежнему крепко обнимал ее за талию. В последний раз оглядев ее всю, он решительно отстранился, а затем развернулся к трем подвыпившим молодым гулякам, которые приближались к ним неуверенной походкой.

Освободившись, Каро слегка пошатнулась. От поцелуя у нее закружилась голова. Доминик Вон грубо и требовательно набросился на нее, и его натиск ничуть не был похож на ее девичьи представления о поцелуях – нежных и робких. Она не ожидала от самой себя такой бури неведомых чувств. Как и жара, как и покалывания в груди...

Чувства самого графа остались для нее загадкой; он развернулся к своему экипажу и жестом показал взволнованным кучеру и лакею, что и сам справится.

Очутившись под прицелом светло-серых глаз Доминика, молодые гуляки резко остановились, как будто наткнулись на невидимую преграду. Все трое слегка попятись, прочитав на его лице холодную ярость и разглядев страшный шрам на левой щеке.

– Старина, мы не хотели вас обидеть, – словно извиняясь, промямлил один, очевидно предводитель троицы.

– Немного перебрали с выпивкой, – испуганно извинился второй.

– Ну, мы пошли. – Третий подхватил друзей под руки, и все трое развернулись и поспешно, хотя и пошатываясь, зашагали туда, откуда только что пришли.

Оставив еще дрожащую Каро на милость – впрочем, это вряд ли можно было назвать милостью – Доминика Вона!

Дрожь усилилась, когда он снова обратил на нее свое пристальное внимание.

– Насколько я помню, вы уверяли, будто превосходно умеете за себя постоять и считаете, что вам не грозит опасность нежеланного внимания со стороны мужчин?

Преодолевая дрожь, Каро расправила плечи, вскинула голову и посмотрела в его мрачное, гневное лицо. Она не удивлялась, что те трое решили благоразумно удалиться. Она и сама почти боялась его, и в то же время ее влекло к нему, к его требовательным, но таким страстным, таким красивым губам...

Она решительно тряхнула головой:

– Милорд, вы поцеловали меня намеренно, в попытке показать, что превосходите меня силой!

Раздувая ноздри, он устремил на нее гневный взгляд:

– В попытке доказать, что любой мужчина превосходит вас силой – даже те трое пьяных щенков, которые только что убежали поджав хвосты!

Каро надменно вздернула бровь:

– Вы преувеличиваете, сэръ...

– Совсем наоборот, мисс Мортон, – холодно парировал он. – Кому, как не мне, знать, что движет представителями моего пола! – Он неодобрительно скривился. – И не окажись здесь меня, уверяю вас, не прошло бы и пяти минут, как они затащили бы вас в темный переулок и один из этих молодцов уже залез бы вам под юбку, а его дружки ждали своей очереди!

Каро побледнела; от живо нарисованной картины к горлу подступила тошнота. Он наверняка нарочно смущает и пугает ее... Почему же ей в самом деле стало так страшно? Ну да, трое юнцов явно перепили и были настроены весьма фривольно, но неужели они в самом деле сделали бы с ней то, о чем говорит граф?

Она смерила Доминика вызывающим взглядом:

– В таком случае мне очень жаль, что некому было защитить меня от вашего нежеланного внимания!

Услышав ее слова, Доминик с шумом втянул в себя воздух. После того, что произошло, обвинение было совершенно оправданным. Воспользовавшись случаем, он собирался лишь преподать ей урок, продемонстрировать ей, насколько уязвимо ее положение. Очень скоро, обследуя ее жаркий рот, он забыл обо всем, наслаждаясь ее медовой сладостью. Чувствуя, как ее грудь прижимается к нему, он начал плавиться и забыл обо всем. Поцелуй затянулся...

Доминик надменно прищурился:

– Я собирался лишь продемонстрировать, насколько вы уязвимы на сцене вечер за вечером и как легко оскорбить вас не только словами, но и делом.

– Глупости! – сухо ответила она. – К вашему сведению, я не совсем дурочка. Именно защищая свою репутацию, я надеваю «У Ника» парик и маску. В самом деле, вряд ли кто-то узнает во мне ту певицу в маске и парике, которая каждый вечер выступает в игорном клубе.

Ее слова не лишены были правды; Доминик и сам едва узнал Каро, когда она вышла на улицу. И все же...

– Ваша маска и ваш черный парик защищают вас лишь до постели.

Горло у нее судорожно дернулось, но она продолжала вызывающе смотреть на него:

– До... постели?

Доминик раздосадованно продолжал:

– Выговор и манеры выдают в вас леди...

– Или опозоренную служанку леди, – поспешно возразила Каро.

– Все возможно, – сухо ответил Доминик. – Понятия не имею, зачем вам было поступать так, как вы поступили... и, похоже, вы не собираетесь меня просвещать?

– Нет! – Каро решительно покачала головой.

– Так я и думал. – Он холодно кивнул. – Конечно, проще всего уволить вас и избавиться от неприятностей... По крайней мере, тогда я не буду чувствовать себя ответственным за ваше благополучие.

Она совсем не изящно фыркнула:

– Милорд, подобное решение упростит все только для вас; мне же придется искать себе другое место, где я могла бы заработать себе на жизнь.

Доминику пришлось нехотя признать, что она права. Но есть и другой выход... Он мог бы предложить ей пойти к нему на содержание. Чувства, которые он испытал, целуя ее, доказывали, что эта мысль ему, по крайней мере, не противна. Когда Каро научится угождать ему, она сумеет исполнять любые его желания...

Прошло десять лет с тех пор, как Доминик поселился в Лондоне, однако он, в отличие от многих своих знакомых, ни разу еще не заводил постоянной любовницы, предпочитая срывать цветы удовольствия там, где ему заблагорассудится. Он не желал ничего менять, делая своей содержанкой предприимчивую и чистосердечную Каро Мортон.

– Конечно, если вы решите меня прогнать, не оставите мне выбора, придется искать такую же работу в другом месте. – Она едва заметно пожала плечами. – Как оказалось, это не так уж сложно, ведь леди в маске, как вы говорите, заслужила... мужское признание.

Конечно, такой выход у нее тоже есть. Интересно, понимает ли Каро, что в клубе «У Ника» ее защищают от нежеланных поклонников Дрю и Бен... А теперь, судя по всему, и он тоже!

– Если дело только в деньгах...

– Так что же? – надменно переспросила Каро.

Доминик поджал губы:

– В таком случае я, возможно, мог бы предложить вам некоторую сумму... чтобы вы могли вернуться туда, откуда приехали.

– Нет! – В глазах цвета морской волны заискрились бунтарские огоньки. – Я еще не собираюсь покидать Лондон!

Доминик не понимал, почему Каро так пылко реагирует на его предложение. То ли не хочет брать у него деньги, то ли в самом деле не собирается возвращаться домой... Он рискнул спросить:

– Неужели положение у вас дома настолько невыносимо?

Каро попыталась скрыть дрожь, но ей это не удалось.

– В настоящее время – да.

Прищурившись, Доминик внимательно посмотрел на нее. От него не укрылась тень, пробежавшая по лицу Каро.

– Судя по вашему замечанию, в дальнейшем все еще может измениться?

– Да... я надеюсь на это, – пылко призналась она.

– Но, пока все не переменится, вы намереваетесь оставаться в Лондоне, независимо от того, оставлю я вас в клубе «У Ника» или нет?

Плотно сжав губы, она ответила:

– Да.

– Вы очень упрямы, мадам.

– Я решительна, сэр, а это совсем другое дело.

Доминик тяжело вздохнул. Не хотелось снова напоминать Каро о доме, мысли о котором, очевидно, навевали неприятные воспоминания. Вместе с тем он прекрасно понимал, в какую беду может угодить безрассудная молодая женщина, если снова вздумает одна бродить по лондонским улицам в поисках работы.

– Тогда, полагаю, на время мы оставим все как есть. – Он отвернулся. – Пойдемте, я провожу вас домой.

Каро бросила на него торжествующий взгляд:

– Милорд, вот уже несколько минут мы стоим рядом с моим временным жилищем!

Досадливо скривившись, Доминик оглянулся через плечо. Он увидел четырехэтажное здание, весьма типичное для городского квартала, в котором они очутились, – некогда фешенебельного, но давно уже впавшего в благородную бедность. Правда, домовладелец, очевидно, пытался поддерживать хотя бы видимость респектабельности: фасад был чистым, свежеекрашенным, да и занавески на окнах тоже казались чистыми.

Доминик снова повернулся к Каро:

– В таком случае мне остается лишь пожелать вам доброй ночи.

Она чуть присела в реверансе:

– Спокойной ночи, милорд.

– Спокойной ночи, мисс Мортон, – сухо ответил он.

Каро смерила Доминика озадаченным взглядом: он как будто не собирался возвращаться к своему экипажу.

– Милорд, вы не обязаны ждать до тех пор, пока не убедитесь, что я вошла в дом.

Он поднял брови:

– Точно так же, как раньше вы считали, что в состоянии самостоятельно о себе позаботиться?

Каро зарделась и сразу похорошела.

– Милорд, – сказала она, – я нахожу ваше поведение крайне досадным.

– Уверяю вас, мисс Мортон, ваше поведение кажется мне таким же.

Каро еще никогда не встречалась с людьми, хотя бы отдаленно схожими с Домиником Воном. Она даже не представляла себе, что существуют мужчины подобные ему – такие высокие, одетые по последней моде, аристократичные... Такие надменные и самоуверенные!

Правда, до приезда в Лондон она почти не общалась с мужчинами. Ее знакомства ограничивались сыновьями окрестных помещиков. Кроме того, время от времени она встречалась с отцовским поверенным, когда тот приезжал из Лондона обсудить дела.

Несмотря на свой ограниченный опыт, Каро заметила, с какой почтительностью отзывается о графе Дрю Батлер. Несколько минут назад она стала свидетельницей того, как поспешно бежали от Доминика трое молодых повес. Она сразу поняла, что Доминик Вон одним своим видом внушает окружающим уважение и заставляет повиноваться себе.

Вот только... много лет Каро не позволяли поступать по-своему. Ей приходилось слушать, что ей говорят. Сейчас она не желала подчиняться ни одному мужчине. И меньше всех – опекуну, которым она обзавелась совсем недавно...

Она наградила графа ослепительной, ничего не значащей улыбкой, а затем направилась к парадной двери, даже не оглянувшись проверить, смотрит ли он ей вслед, и вставила в замок ключ, полученный от домовладелицы две недели

назад, когда она наняла квартиру.

Каро выждала несколько мгновений и лишь потом отважилась посмотреть через занавешенное тюлем окошко на крыльцо. Она успела вовремя: увидела, как граф садится в экипаж, грум закрывает за ним дверцу, а сам ловко запрыгивает на запятки. Экипаж покатило прочь.

Но перед этим Каро успела заметить в окошке бледный овал лица Доминика. С мрачным видом он смотрел туда, где пряталась она. Она быстро отошла от окошка и прислонилась к стене, прижав руки к бешено бьющемуся сердцу.

Да, поцелуй графа Блэкстоуна оказался совсем не таким, каким она до сих пор представляла себе поцелуи.

Он был гораздо, гораздо более волнующим...

– Итак, Дом, где ты был вчера ночью? – лениво спросил на следующий вечер Натаниэль Торн, граф Озборн. Они сидели друг напротив друга в мягких креслах у камина в одном из больших залов клуба «Уайтс».

– Меня... задержали неотложные дела, – уклончиво ответил Доминик.

Они с Натаниэлем улавливались встретиться вчера вечером, но Доминику не удалось прийти вовремя, так как он провожал домой Каро Мортон и заботился о том, чтобы с ней по пути ничего не случилось. Ему и самому не верилось, что за свои труды он не получил никакой благодарности!

Натаниэль улыбнулся с понимающим видом:

– Полагаю, она была так же ненасытна, как и красива?

– Красива – да. Ненасытна? Понятия не имею.

По правде говоря, даже по прошествии некоторого времени Доминик по-прежнему не знал, кто такая Каро Мортон на самом деле и как ему быть с ней дальше. Однако он распорядился, чтобы Дрю Батлер и дальше кормил ее

легкими ужинами в промежутке между выступлениями, а Бен Джексон провожал ее домой. Пусть сама Каро и не заботится о своей безопасности, но, пока она работает на Доминика, его обязанность – проследить, чтобы она не попала в беду.

– Пока не имеешь, – многозначительно заметил Натаниэль.

Отец и мать Доминика умерли много лет назад; братьев и сестер у него не было. Он считал Натаниэля Торна и Гейбриела Фолкнера ближайшими друзьями, почти родственниками; они много лет вместе учились в школе, а потом воевали; часто они не знали, останутся ли в живых после очередного боя. Они всегда были близки, как братья. И все же в тот миг Доминик пожалел о том, что Натаниэль так хорошо его знает.

К счастью, у него появился прекрасный повод отвлечься от разговоров о том, что он делал вчера ночью.

– Сегодня я получил письмо от Гейбриела. Он прибывает в Англию в конце недели. – Доминик задумчиво, словно пробуя, отпил бренди.

– Я тоже получил от него письмо, – кивнул Натаниэль. – Представляешь себе, как скривятся наши блюстители нравственности, когда Гейб вернется в общество?

– Он снова подтвердил, что сразу же намерен отправиться в Шорли-Холл, взглянуть на сестер Коупленд, – напомнил другу Доминик.

Озборн фыркнул:

– Мы с тобой оба прекрасно понимаем, что там он не задержится... Как только три глупые девицы увидят Гейба, они сразу забудут о его скандальном прошлом и готовы будут выцарапать друг другу глаза, состязаясь за право стать его женой! – Натаниэль поднял бокал, словно салютуя отсутствующему другу.

Ни долгие годы ссылки, ни служба в армии никак не повлияли на количество побед, одержанных Гейбриелом Фолкнером в спальне; один взгляд на его волосы цвета воронова крыла, на его темно-синие глаза и мускулистую фигуру – и женщины всех возрастов буквально падали к ногам Гейбриела. Точнее, падали

в его постель! Несомненно, сестры Коупленд тоже будут сражены наповал.

– Чем займемся до утра? – После вчерашнего фиаско Доминик решил напиться до бесчувствия, а потом провести ночь с какой-нибудь опытной и искусной жрицей любви.

Натаниэль смерил его задумчивым взглядом:

– Я слышал, в клубе «У Ника» сейчас выступает какая-то таинственная красотка...

Хотя трое друзей привыкли делиться почти всем, Доминик решил, что кое-что лучше утаить – в том числе вчерашнее знакомство с Каро Мортон и возникшее у него странное, необъяснимое желание защищать ее. Правда, он не мог сказать, что его желание вызывает у него радость. Оказывается, о Каро уже пошли слухи, хотя она выступает в его клубе всего неделю!

Он поморщился:

– Думаю, единственная причина, по которой ее считают такой таинственной, кроется в том, что она во время представлений носит маску, закрывающую все лицо.

– Вот как! – Углы губ Натаниэля поползли вниз. – Она наверняка прячет под маской лицо, изрытое оспой!

– Возможно, – с деланным равнодушием согласился Доминик. Он старался никак не разжигать интереса друга к Каро.

Нат вздохнул:

– В таком случае выбор развлечений на сегодняшний вечер я предоставляю тебе.

Они посетили несколько игорных домов, а закончили вечер в одном ярко освещенном, но тем не менее потайном заведении, чьи обитательницы – хорошенькие и веселые дамы полусвета – с радостью составили компанию двум

красивым молодым джентльменам.

* * *

Тем удивительнее было, что два молодых джентльмена ушли всего через час или около того, так и не воспользовавшись удобным случаем.

– Может быть, все-таки сходим и посмотрим на красотку «У Ника»? – предложил Озборн, зевая и прикрывая рот. – Есть у нее на лице оспины или нет, я почти не сомневаюсь, что она покажется мне не менее привлекательной, чем дамы, с которыми мы только что напрасно потратили время!

Доминик нахмурился. Если он во второй раз попробует отговаривать Ната, то лишь возбудит его любопытство.

– Нат, может быть, мы слишком пресыщены? – сухо спросил он, побарабанив пальцами по крыше кареты и объяснив кучеру, куда их теперь везти.

Натаниэль вопросительно поднял брови:

– Ты разве скучаешь по пяти годам, проведенным в армии?

Скучал ли Доминик по ужасу и кровопролитию войны? Там никогда не знаешь, останешься ли жив после боя или настала твоя очередь встретиться со смертью на острие французского меча... Скучал ли он по чувству товарищества с другими офицерами, рожденному сознанием смертельной опасности? Да, и еще как!

– Не до такой степени, чтобы снова получить назначение в полк... А ты?

Озборн пожал плечами:

– Во всяком случае, гражданская жизнь часто бывает ужасно нудной и предсказуемой!

Доминик испытал облегчение, поняв, что не он один скучает по тому времени, когда им приходилось постоянно балансировать на краю пропасти.

– Мне рассказывали, что лондонские сезоны часто напоминают поле сражения, – задумчиво проговорил он.

– Даже не упоминай при мне лондонские сезоны! – проворчал Натаниэль. – Моя тетка Гертруда вбила себе в голову, что мне пора обзавестись женой, – объяснил он в ответ на вопросительный взгляд Доминика. – И потому настаивает, чтобы следующие несколько недель я сопровождал ее на все балы и званые вечера. Несомненно, она надеется присмотреть достойную молодую женщину, способную, по ее мнению, стать подходящей графиней Озборн!

– Ага! – Доминик начал понимать, почему его друг сегодня не в своей тарелке.

Миссис Гертруда Уилсон была ближайшей родственницей Озборна. Натаниэль ее очень любил. Тетка, в свою очередь, принимала живейшее участие в жизни племянника. И вот теперь она решила во что бы то ни стало его женить... Доминик невольно порадовался, что у него нет родственниц женского пола!

– Насколько я понимаю, ее желание тебя не радует?

– Мне радоваться при мысли о том, чтобы связать себя на всю жизнь с какой-нибудь неискренней девицей, которой внушили, что в спальне с мужем необходимо лечь на спину и, пока муж делает свое дело, думать о короле и отчизне? Разумеется, я не рад! – Озборн с трудом подавил дрожь отвращения. – Не представляю, как Гейбриел может мечтать о таком исходе!

Да, трое друзей прекрасно понимали, что когда-нибудь им придется жениться и произвести на свет сыновей, которые унаследуют их титулы. Доминик обрадовался, узнав, что Озборн относится к такому будущему так же неприязненно, как и он сам. Впрочем, бороться с такой силой, как миссис Гертруда Уилсон, весьма затруднительно!

Вскоре Доминик перестал добродушно подшучивать над другом; через несколько минут они вышли из экипажа у его клуба, и он неодобрительно поджал губы, заметив, что Бен Джексон снова покинул свой пост. Очевидно, они приехали вовремя, и Натаниэль увидит второе представление Каро Мортон.

Однако шум, крики, звон бьющегося стекла и грохот ломаемой мебели, слышный со стороны главного игорного зала, когда они вошли в просторный холл клуба, никоим образом не напоминали благоговейную тишину, которую помнил Доминик по вчерашнему вечеру.

Он особенно встревожился, услышав в общем шуме женские крики.

Глава 3

Каро в жизни не была так напугана, как в тот миг. Несмотря на то что Бен и еще двое служащих заслоняли ее от самых отчаянных драчунов, она все равно видела, как мужчины орудуют кулаками, как хлещет кровь из разбитых носов, как охотно завсегдатаи пускают в ход стулья, столы и бутылки.

Откровенно говоря, Каро понятия не имела, по какой причине завязалась драка. Она начала свое выступление как обычно, как вдруг какой-то посетитель попытался вскочить на сцену и схватить ее. Сначала Каро думала, что второй джентльмен, который бросился за первым нахалом, хочет прийти ей на помощь, но он оттолкнул первого и тоже бросился к ее кушетке.

После этого начался настоящий бедлам: в драку вступило около дюжины посетителей; они орудовали и кулаками, и всем, что подворачивалось им под руку.

С ужасом глядя на массовую драку, Каро испытывала крайнее унижение. В ее ушах звучали суровые слова предупреждения, произнесенные накануне лордом Домиником Воном...

– Чего ты ждешь?! – воскликнул Озборн с радостным блеском в глазах.

Они стояли на пороге, не сняв плащей и шляп.

Доминик прищурился и быстро оценил происходящее. Человек тридцать посетителей дрались всерьез. На полу валялись отломанные ножки стульев и

перевернутые столы. Под ногами хрустели осколки разбитых бокалов и графинов. Дрю Батлер находился в самой гуще схватки, он пытался разнять дерущихся. А на сцене стоял Бен Джексон; из-за его спины виднелся край кушетки и длинные локоны цвета черного дерева.

– Вперед, на сцену! – мрачно приказал Доминик Озборну, сбрасывая шляпу. – Если сумеем вывести отсюда девушку, драка сама собой прекратится.

– А я искренне надеюсь, что нет! – лукаво улыбнулся Натаниэль, устремляясь на середину зала.

Доминику показалось, будто большинство дерущихся, как и его друг, откровенно наслаждаются происходящим, несмотря на разбитые носы, выбитые зубы и синяки под глазами. В особый раж вошли трое или четверо драчунов, вскочивших на сцену. Они пытались прорваться мимо Бена Джексона к Каро, которая испуганно съежилась за спинкой кушетки. Именно судьба Каро больше прочего волновала Доминика. Хотя, надо отдать Бену должное, ему до сих пор удавалось удерживать пылких поклонников на расстоянии вытянутой руки. Он даже улыбнулся Доминику и Озборну, когда они вскочили на сцену и встали рядом с ним.

Неожиданно Каро Мортон выпрямилась и бросилась Доминику на шею с криком:

– Слава богу, вы пришли, Доминик!

При виде такого зрелища Озборн понимающе улыбнулся:

– Дом, забирай девушку и уходи, а я остаюсь, давно так не веселился! – С этими словами он замахнулся и мощным ударом кулака сбил одного из наглецов со сцены, хрустнул выбитый зуб.

Доминик пришел в такую ярость, что и сам охотно переломал бы кому-нибудь все кости. Правда, принять участие в драке он никак не мог, потому что на шее у него повисла Каро; когда она вскинула голову, он заметил в прорезях украшенной драгоценностями маски испуганные глаза цвета морской волны.

Увидев, что ее золотистое платье в нескольких местах порвано, Доминик помрачнел.

– Разве я вас не предупреждал? – ледяным тоном спросил он, разжимая ее руки. Он снял с себя плащ и закутал Каро, а затем подхватил ее на руки и закинул себе на плечо.

– Я... Что вы... Сию же секунду поставьте меня! – Крошечные кулачки замолотили его по спине.

– По-моему, сейчас вам самое время понять, когда лучше помалкивать, – сквозь зубы процедил Доминик, уходя со сцены в ту сторону, где находились служебные помещения.

Его провожали завистливые мужские взгляды.

Меньше всего Каро хотелось, чтобы лорд Доминик Вон напоминал ей: «Я же вам говорил!» Кошмарные события и без того сильно напугали ее. Унижение же стало последней каплей. Доминик закинул ее на плечо, как мешок с картошкой!

Как только они очутились в относительной безопасности, в пустом коридоре, Каро стала вырываться, требуя, чтобы ее освободили.

– Поставьте меня сию же секунду на ноги! – кричала она. Ей показалось, что ее спаситель вдруг оглох. Он подчинился не сразу.

– С радостью! – Доминик бесцеремонно прижал ее к себе и тут же поставил босыми ногами на холодный каменный пол.

– Знаете, я еще не встречала нахала с худшими манерами! – Глаза у Каро сверкали, хотя она дрожала всем телом, тщетно пытаясь поплотнее запахнуться в его плащ и разгладить мятое платье.

– И это благодарность за то, что я выручил вас из беды? – вкрадчиво спросил Доминик. Его светло-серые глаза смотрели на нее в упор, словно предупреждая об опасности.

– Вы силой утащили меня, сэр! – ответила Каро, нимало не смутившись и приглаживая растрепанные кудри цвета черного дерева. Просто чудо, что маска и парик вообще удержались на месте! – Несколько минут назад вы от злости готовы были меня задушить; похоже, вы считаете меня виновной в том, что здесь произошло...

– Вы действительно виноваты.

– Не говорите глупости! – Каро смерила его презрительным взглядом. – Каждой женщине известно, что мужчины... даже самого благородного происхождения... с радостью ухватятся за любой повод, лишь бы подраться!

Доминик вспомнил, с каким пылом ринулся в драку Озборн, и решил, что слова Каро не лишены здравого смысла. Но никакие слова не способны изменить факты. Сегодняшняя драка в игорном клубе началась из-за Каро. Как она не понимает, что опасно вечер за вечером разжигать страсти мужчин, и без того распаленных игрой и выпивкой? Неужели она настолько наивна?

Доминик сам не понимал, чего ему сейчас больше хочется – хорошенько выпороть ее или исцеловать до бесчувствия.

– Мне просто не терпится отшлепать вас по заду в счет сегодняшнего ущерба! – злобно признался он.

Глаза ее от изумления сделались огромными, а щеки запылали. Она вызывающе крикнула:

– Вы не посмеете!

Доминик презрительно скривился:

– Не искушайте меня, Каро!

Бросив всякие попытки навести порядок в своих растрепанных кудрях, Каро сняла украшенную драгоценностями маску и смерила Доминика возмущенным взглядом:

– Похоже, вы просто ищете предлог для того, чтобы избить меня!

Любуясь ее покрасневшимся хорошеньким личиком, Доминик немного успокоился, хотя при одной мысли о том, что какой-то безымянный, безликий наглец способен причинить боль этой хрупкой и очаровательной женщине, его охватывала ярость. Он отлично понимал завсегдатаев своего игорного клуба; ему хотелось защитить Каро, и в то же время руки чесались выпороть ее как следует, чтобы она потом целую неделю не смогла сидеть!

– Уверяю вас, с вами никакого предлога не нужно, – проворчал он.

– Вот как! – вскинулась Каро. – Позвольте вам сказать, сэр, что с таким высокомерным деспотом, как вы, мне еще не доводилось встречаться!

– А вы, мадам, самая упрямая и своевольная дура из всех...

– Дура?! – в ярости переспросила она.

– Своевольная дура, – ничуть не раскаиваясь, повторил Доминик, глядя на нее с не меньшей яростью.

Никогда еще Каро так не оскорбляли. Больше всего ей захотелось со всей силы ударить обидчика по его надменному аристократическому носу!

Как будто прочитав ее мысли, он расплылся в насмешливой улыбке.

– Каро, это будет весьма неблагоприятно! – Голос у него сделался вкрадчиво-сладким и оттого еще более опасным.

Их взгляды скрестились: глаза цвета морской волны против светло-серых. Тянулись секунды. Каро почти – почти! – захотелось принять вызов, как вдруг в их безмолвный поединок вторгся изумленный голос:

– Я пришел сказать, что Батлеру и его тяжеловесам удалось вытеснить из клуба последних посетителей; теперь они пытаются навести порядок. Впрочем, если я не вовремя, могу вернуться и попозже...

Каро ничего не видела за Домиником. Ей пришлось чуть наклониться в сторону, чтобы выглянуть из-за его широкого плеча. Она увидела высокого, элегантно одетого, красивого, светловолосого молодого человека, который с небрежной грацией прислонился к стене и, скрестив руки на широкой груди, с интересом наблюдал за ними. О том, что он всего несколько минут назад принимал участие в жаркой драке, свидетельствовали лишь взлохмаченные, по моде длинные волосы.

– Блэкстоун, по-моему, наши прежние предположения относительно... обстановки оказались ошибочными. – Светловолосый незнакомец дружелюбно улыбнулся Доминику, а затем подчеркнуто не спеша оглядел безупречное личико Каро. На нем не было ни единого пятнышка, не говоря уже об оспинах.

Впрочем, Каро совершенно не поняла смысла последних слов, как и того, почему блондин так пристально ее разглядывал!

– Отвечая на ваше первое замечание, сэ... полагаю, мы с лордом Воном уже закончили беседу.

– Ненадолго. – Заметив, что Каро пытается ускользнуть, Доминик схватил ее за запястье стальной хваткой. – Озборн, надеюсь, пробито не очень много горячих голов?

Блондин пожал плечами:

– Пострадали лишь те, кто этого заслуживал. – Он оттолкнулся от стены. – Блэкстоун, может, все-таки представишь меня? – Он скользнул по лицу Доминика веселым взглядом и с неприкрытым восхищением воззрился на Каро.

– Каро Мортон – лорд Натаниэль Торн, граф Озборн, – холодно сказал Доминик.

– Ваш покорный слуга. – Натаниэль изящно поклонился.

– Милорд...

Да что же это такое в самом деле? Неужели каждый ее новый лондонский знакомый непременно должен оказываться лордом или графом? Каро присела в

книксене, хотя невольно задумалась о том, как нелепо приседать при таких обстоятельствах.

– Если ты, Озборн, тоже хочешь уехать после того, как самое интересное закончилось, я тебя не держу, – сказал Доминик. – Боюсь, сам я не смогу уехать отсюда еще некоторое время.

Он смерил Каро Мортон многозначительным взглядом и, заметив ее вызывающий, бунтарский вид, плотно сжал губы.

Каро отвернулась от него и одарила Натаниэля благосклонной улыбкой:

– Лорд Торн, если вы уже уходите, может быть, возьмете с собой и меня?

Доминик раздраженно подумал: она и в самом деле ведет себя как дама из высшего общества, которая беседует со знакомыми у себя в гостиной! Как будто только что не она стала причиной драки в игорном клубе, как будто не в меру разгоряченные посетители не бились за право уложить ее в постель! Как будто в этом бедламе не пострадала собственность Доминика!

Вот и сейчас она как будто забыла, что стоит в рваном платье и съехавшем набок парике перед двумя элегантными джентльменами из высшего общества!

Доминик в досаде выдохнул:

– Думаю, что нет.

На миг устремив на него презрительный взгляд, Каро снова повернулась к Натаниэлю:

– Лорд Торн, я буду вам очень признательна, если вы согласитесь проводить меня домой. – Даже сирена не могла бы говорить и выглядеть убедительнее!

Доминик сразу понял, почему его друг пребывает в нерешительности; джентльмен до мозга костей, Озборн никогда не был способен устоять против лицемерных девичьих просьб о помощи, а Доминик считал, что Каро Мортон явно лицемерит. С самой первой встречи от нее одни неприятности; она стала для

него настоящим источником раздражения.

– Боюсь, это невозможно, – вкрадчиво ответил Доминик за своего друга.

На ее нежных щеках проступил румянец.

– Насколько я помню, моя просьба была обращена к лорду Торну, а не к вам!

Доминик приказал себе успокоиться. С самой первой встречи с Каро он постоянно пребывает в напряжении.

– Лорд Торн настоящий джентльмен и признает за мной право первенства... Не так ли, Озборн?

Озборн изумленно вытаращил глаза. Проклятие! Доминик ведь сам уверял его, что совсем незнаком с певицей, которая выступает у него в клубе; и вот Каро от волнения бросилась ему на шею и даже фамильярно обратилась к нему по имени, выставив его лжецом!

Положение – хуже не придумаешь!

– Блэкстоун, по-моему, ты был совершенно прав. – Озборн перебил неприятные мысли Доминика, заметив как бы между прочим: – Лично я бы скорее употребил слово «утонченность», а не «красота».

– Вот именно! – досадливо кивнул Доминик.

– Поэтому, Блэкстоун, я лучше присоединюсь к Батлеру и Бену и перед уходом выпью немного бренди, чтобы взбодриться. Мое почтение, мисс Мортон! – Озборн поклонился и вышел.

Внезапный уход лорда Торна изумил Каро.

– Ничего не понимаю! – воскликнула она.

Ей действительно остался непонятным смысл фраз, которыми обменялись в ее присутствии двое друзей. Несомненно, они поняли друг друга; иначе зачем благовоспитанному джентльмену, каким показался ей лорд Торн, так вдруг покидать ее?

Доминик отступил на шаг.

– Ступайте к себе в комнату и переоденьтесь. Перед уходом загляните в кабинет Дрю Батлера, я буду ждать вас там.

– Но... – нахмурилась Каро.

– Каро, вы можете хотя бы один раз выполнить мою просьбу и не спорить? – Доминик так стиснул челюсти, что шрам на его левой щеке проступил отчетливее.

Она вскинула на него глаза, увидела, какой у него суровый вид, и приказала себе не пугаться. По-иному и быть не может... Он недвусмысленно дал ей понять, что считает ее виновницей драки. Из-за нее, по его словам, пострадало его имущество. И как только у него язык повернулся угрожать ей поркой!

Никто и никогда не смел разговаривать с Каро так, как говорил надменный Доминик Вон! Так фамильярно. Так... интимно. Джентльмен вообще не должен упоминать о... тыльной части в присутствии леди, не говоря уже об угрозах отплатить ей за ущерб поркой!

Она надменно вскинула подбородок:

– Я очень устала, милорд, и предпочла бы, переодевшись, сразу уйти домой.

– А я предпочел бы, чтобы вы сначала зашли в кабинет Батлера, где мы с вами продолжим беседу.

– Я думала, что она окончена.

– Каро, драка в принадлежащем мне клубе началась не по моей вине; моему имуществу причинен существенный ущерб. Поэтому сегодня я не намерен

больше терпеть ваше упрямство. – Он подбоченился, пытаясь сдержать раздражение.

– В самом деле? – Она с невинным видом подняла брови. – Мое терпение в связи с вашей невыносимой самоуверенностью истощилось несколько минут назад!

Доминику нехотя пришлось признать: его собеседница столь же храбра, сколь и красива. Он подосадовал на себя, вспомнив, сколько времени размышлял о ее сладких губах...

– Может быть, вы будете более благосклонны ко мне, если я скажу «пожалуйста»?

Каро смирила его недоверчивым, настороженным взглядом:

– Для начала и это будет неплохо.

Доминик продолжил не сразу:

– Вот и отлично. В таком случае я настоятельно прошу вас прийти в кабинет Батлера, где мы с вами продолжим беседу... пожалуйста!

Он соизволил попросить ее уже во второй раз... впрочем, не слишком-то любезно!

– Хорошо, милорд, я согласна. Я приду в кабинет мистера Батлера... но только на несколько минут, – решительно добавила Каро, заметив, как торжествующе сверкнули светло-серые глаза. – Уже поздно, а я в самом деле очень устала.

– Что вполне понятно. – Доминик насмешливо поклонился. – Не бойтесь, я отниму всего несколько минут вашего драгоценного времени!

Медленно идя в свою гримерную, Каро встревоженно размышляла о том, что его последние слова прозвучали довольно угрожающе. Вчера, в запальчивости, она сказала: если Доминик ее выгонит, она найдет работу где угодно. Сегодня она поняла, как жестоко ошибалась. Страшно подумать, что случится с ней в столице без Дрю и Бена.

Вчера, уверяя Доминика, что она собирается вернуться домой, как только поймет, что там ей ничто не угрожает, Каро несколько не кривила душой. Просто ей не казалось, что такое время уже пришло...

Увидев платье скучного бутылочного цвета, в которое переоделась Каро, Доминик не удержался от неприязненной гримасы. Платье совсем не шло к ее глазам цвета морской волны, а скорее убивало их. Да и ее светлая, полупрозрачная кожа приобретала какой-то болезненный оттенок. Широкое платье, застегнутое до самого горла, совершенно скрывало все прелести ее стройной фигурки. Вдобавок свои золотистые волосы она скрутила в тугий пучок на затылке, а руки в притворной скромности скрестила на груди. В таком виде она стала похожа на монашку.

Доминик встал и, обойдя стол, прислонился к нему.

– Что ж, в таком виде вы как будто вполне готовы к суровым испытаниям! – неодобрительно сказал он.

Каро поняла, что внешность обманчива. Стоило ей войти к себе в примерную, как сразу же наступила реакция. Во время драки и сразу после нее она еще держалась, но, едва осталась одна, ее затрясло. Довольно долго она не могла успокоиться. Все произошло так неожиданно, так стремительно, а граф, хоть и вел себя грубовато, так вовремя пришел ей на помощь, что Каро не сразу осознала весь ужас случившегося.

Сейчас она еще слегка дрожала и именно поэтому так плотно скрестила руки на груди; она ни за что, никогда не покажет надменному Доминику Вону своей слабости!

– Милорд, раньше у меня не было возможности поблагодарить вас за своевременное вмешательство. Позвольте же сделать это сейчас. – Она еле заметно склонила голову.

При виде такой вымученной благодарности Доминик с трудом подавил усмешку.

– Вам не за что меня благодарить, – ответил он. – Судя по всему, на то, чтобы восстановить главный зал, понадобится несколько дней, а может, и целая неделя...

– Если вы намерены потребовать с меня денег за ремонт, знайте: денег у меня нет! – тут же вскинулась Каро.

Доминик окинул ее прищуренным взглядом. За притворной монашеской позой угадывался вызов. В глазах цвета морской волны еще плескался страх, руки слегка дрожали. Все доказывало, что Каро гораздо больше задело происходящее, чем она готова показать кому-либо – и меньше всего ему.

Как ни странно, ее мужество восхищало Доминика. Как восхищали ее гордость и чувство собственного достоинства, которые она выказала, очутившись в положении, явно выходящем за рамки ее прежнего опыта.

Интересно, распространяется ли ее неопытность и на спальню? Вчера, преодолев первое изумление, она ответила на его поцелуй пылко и страстно. Правда, потом Доминику показалось, что Каро совершенно не понимает, какую опасность для нее представляли те трое пьяных юнцов.

Точно так же она как будто не ведала о разнузданных желаниях игроков, которые вечерами приходили в клуб посмотреть ее выступление. Возможно, такая наивность – доказательство того, что она не привыкла угождать мужским прихотям?

Каро Мортон стала загадкой, которую Доминику все больше хотелось разгадать. Он содрогнулся, поняв, что ему хочется сорвать с нее уродливое бутылочное платье и обследовать каждую складочку ее восхитительного обнаженного тела...

– Я вовсе не собирался требовать у вас денежного возмещения, – ответил он. – Однако вам необходимо учесть, что клуб «У Ника», скорее всего, будет закрыт несколько дней, на время ремонта и уборки. Значит, вы какое-то время не сможете здесь выступать.

Несколько секунд Каро смотрела на него ничего не выражающим взглядом. Потом ее глаза расширились: до нее наконец дошел смысл сказанного. Она

облизнула внезапно пересохшие губы:

– Как, по-вашему... ремонт в самом деле займет несколько дней?

Доминик внимательно посмотрел на нее и ответил:

– Возможно, неделю.

– Неделю? – упавшим голосом переспросила она.

Доминик понял, что Каро всецело зависит от денег, какие зарабатывает каждую ночь в игорном клубе. Достаточно взглянуть на ее одежду! Кроме того, ее огорчение, как и намерение «пока» остаться в Лондоне, недвусмысленно указывают на то, что дома ее положение в самом деле ужасно...

– К чему так расстраиваться? – продолжал Доминик. – Хотите вы того или нет, временно вашим покровителем являюсь я.

Каро вспыхнула от возмущения:

– Я не испытываю ни малейшего желания становиться вашей содержанкой!

Доминик тоже не испытывал ни малейшего желания делать ее своей содержанкой – как, впрочем, и любую другую женщину.

Его отец и мать умерли, когда ему исполнилось всего двенадцать лет. Не было у него и доброй тетушки, которая заботилась бы о нем, как миссис Уилсон – о Натаниэле. До совершеннолетия опекунами Доминика были поверенные его отца. На каникулах, когда Доминик приезжал из школы, он жил в беркширском поместье Блэкстоун-Парк, где имелся полный штат прислуги, однако не было никого, кто заботился бы о нем от всего сердца.

Достигнув совершеннолетия и получив наконец возможность самостоятельно управлять своими делами, Доминик не попался в ловушку неискренней, притворной любви, даруемой за деньги содержанками. Он привык делиться своими мыслями только с друзьями – Гейбриелом и Натаниэлем. Друзья любят чистосердечно, без каких-либо скрытых мотивов, чего нельзя сказать о платной

содержанке.

– Каро, я сказал «покровителем», а не «любовником». Хотя, не сомневаюсь, большинство джентльменов, которые сегодня были на вашем представлении, считают, что мне уже принадлежит эта сомнительная честь, – добавил он.

Оскорбительность его тона ошеломила Каро.

– Почему?

– Многие из них видели, как вы бросились мне на шею...

– Я боялась за свою жизнь! – На ее бледных щеках проступили два ярко-алых пятна.

Доминик пренебрежительно отмахнулся:

– Почему они пришли к тому или иному выводу – не важно. Суть в том, что в моем клубе выступает некая таинственная дама в маске, и сегодня эта дама при всех бросилась мне на шею, да к тому же громко назвала по имени, что подразумевает определенную степень интимности... – Он пожал плечами. – Для большинства мужчин ваше поведение – вполне достаточное доказательство того, что вы уже выбрали себе покровителя и, скорее всего, являетесь исключительной собственностью графа Блэкстоуна.

Каро стала белой как мел.

Глава 4

Наверное, впервые в жизни Каро лишилась дара речи. Потрясло ее не только то, что завсегдатаи мужского клуба считали ее «исключительной собственностью» лорда Доминика Вона. Ее старшая сестра Диана придет в бешенство, если до ее ушей когда-либо дойдет клевета, связанная со сбежавшей в столицу сестрой Каролиной!

Каро, правда, оставила на кровати записку, в которой просила сестер не беспокоиться о ней, но больше ничего не сообщила. Перед тем как две недели назад покинуть родительский дом в Гэмпшире, она не делилась своими замыслами бежать в Лондон ни с Дианой, ни с младшей сестрой Элизабет. Она решила бежать до того, как к ним явится опекун, получивший власть распоряжаться их жизнью. Хотя сестры Коупленд в глаза не видели своего опекуна, он не придумал ничего лучше, чем через поверенного сообщить своим подопечным: он настаивает на том, чтобы одна из них стала его женой!

Каро много ночей мучилась мыслями о своем опекуне. Что он за человек? Неужели лорд Гейбриел Фолкнер, новый граф Уэстборн, такое чудовище, что способен заочно сделать предложение той из дочерей покойного графа, которая согласится взять его в мужья? А если ни одна не пожелает стать его женой, настаивать на браке?!

Поскольку сестры Коупленд никогда не вращались в лондонском обществе, они не были знакомы с троюродным племянником отца Гейбриелом Фолкнером, ставшим его наследником. Зато лорда Гейбриела отлично знали несколько их соседей. Они охотно, хотя и не вдаваясь в подробности, поведали сестрам, как восемь лет назад, после громкого скандала, его светлость вынужден был уехать в ссылку на континент. Поговаривали, что спустя какое-то время он обосновался в Венеции. Помимо этого, сестры ничего не слыхали о Гейбриеле Фолкнере и ни разу не видели его до того дня, когда им сообщили: он не только наследник их отца, но также и их опекун.

Все они, разумеется, знали и понимали, что титул наследуется лишь по мужской линии. Но лишь после похорон, когда открыли завещание, стало ясно, что сестры остались без собственных средств к существованию. Значит, их судьба всецело зависела от прихоти и милости нового графа Уэстборна.

Шли недели, месяцы; новый граф не давал о себе знать и как будто не собирался вернуться на родину и поселиться в Шорли-Холле или влиять каким-то образом на жизнь трех сестер. Опекун исправно высылал своим подопечным ежемесячное содержание – также через поверенного. Сестры начали успокаиваться, решив, что их жизнь продолжится без вмешательства нового опекуна.

И вдруг три недели назад в Шорли-Холл приехал поверенный графа и сообщил, что граф Уэстборн великодушно предлагает руку и сердце любой из трех

осиротевших сестер. Поверенный сурово добавил: граф, их опекун, рассчитывает на то, что его предложение будет принято.

Диана, самая старшая, которой исполнилось двадцать один год, была, можно сказать, обручена с сыном местного сквайра и потому могла не опасаться притязаний графа. Элизабет, младшая, которой было всего девятнадцать, объявила, что скорее уйдет в монастырь, чем станет женой человека, которого не любит и который не любит ее. Каро же решила избежать замужества еще более радикальным способом.

Отчаянно стремясь хоть как-то разнообразить до тех пор монотонную и размеренную жизнь, Каро решила на месяц-другой уехать в Лондон и найти себе место гувернантки или компаньонки у какой-нибудь знатной дамы. Когда же лорд Гейбриел Фолкнер явится в Шорли-Холл – по словам поверенного, узнав об отказе сестер выйти за него замуж, граф именно так и сделает, – Диана, несомненно взбешенная бегством средней сестры, буквально изничтожит его своим острым как бритва языком, которого побаиваются все, а затем прогонит, и он бежит, трусливо поджав хвост.

Украдкой собирая вещи, Каро думала о том, что месяца, в крайнем случае двух, будет вполне достаточно. Незаметно выбравшись из дома, она прошла пешком с полмили до перекрестка, где села в вечерний экипаж, идущий в Лондон.

Разумеется, все оказалось совсем не таким, как представляла себе Каро. Ни в одном почтенном семействе, ни в одной лавке готового платья не пожелали взять на службу молодую женщину без рекомендаций. А небольшая сумма денег, которую Каро взяла с собой, серьезно уменьшилась. Она рассчитывала, что ей не придется платить за жилье, но, не найдя места, вынуждена была снять себе скромную квартиру и заплатить за месяц вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kerol-mortimer/zolotaya-maski>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)